

Отпуск в октябре,

или Некоторые не совсем театральные и совсем не театральные мысли зрителя II Международного фестиваля «Театр без границ»

Мои друзья иногда завидуют тому, что я часто хожу в театр. Разницы между целями «для работы» и «для себя» они в этом случае не видят. «Все равно, — говорят, — в театре сидишь. Значит, отдыхаешь.» И на этот раз мне, наконец, представилась возможность посидеть в театре «просто так», поскольку II Международный фестиваль «Театр без границ», проходивший в городе в октябре, совпал с отпуском. Так что выбирать для себя спектакли и сцены я могла, не руководствуясь конъюнктурными соображениями. Но видно, и впрямь, человек, проработавший в газете не год и не два, перестает быть нормальным зритель и не может разглядеть и осмыслить происходящее даже тогда, когда вполне мог бы от этого отдохнуть. Конечно, мысли, которые навел просмотр программ фестиваля, кому-то могут показаться любопытными, у кого-то, наоборот, вызовут скуку, а кто-то, прочитав их, возможно, выразит полное свое несогласие. Разнообразие мнений должно быть таким же широким и неповторимым, какой была программа этого театрального праздника, вместившая спектакли почти трех десятков театров, работающих непохоже, в различной стилистике, но с единой целью — не оставить зрителя равнодушным к происходящему...

Любовь к родному пепелищу

И все-таки в начале — о печальном: фестиваль, посвященный 60-летию Магнитогорского драматического театра, получился «празднованием на руинах». «Чайку» давали при полном зале, где среди приглашенных сидели представители местной и областной культуры, городской администрации, работники средств массовой информации всех мастей и калибров. Открытие фестиваля почтил своим присутствием даже заезжий политик Александр Починков, зарабатывающий «очки» перед очередными выборами в Госдуму. И не было среди зрителей ни одного артиста из той труппы театра, которая в течение 56 лет создавала его славу и воспитывала зрителя, донесшая преданно традицию относиться к театру как к празднику.

Наивно и смешно утверждать сегодня, будто полные залы на фестивале — только результат появления в городе каких-то четыре года назад нового театрального коллектива. А «Театр без границ», при всех его достоинствах, позволял сделать человеку несведущему единственный вывод: до приезда труппы из Душанбе не было в Магнитке ни ТРАМа, скоторого, по сути, начинался наш драматический; ни тесных контактов с московскими режиссерами и актерами, помогавшими его становлению; ни великолепного здания старого гортеатра на левом берегу, куда каждый вечер шли толпы зрителей и в зале которого риставались даже на перилах балкона... Ничего, оказывается, не было. И потому как-то нелепо, для «галочки», прозвучало на открытии выступление народного артиста России Л. Г. Самарджиди, великопение которого на сцене до сих пор памятно многим магнитогорцам.

Молодость зачастую бездумна и беспощадна в своей жестокости к прошлому. А душанбинская труппа еще достаточно молода и, дай Бог, чтобы когда-нибудь ее «стариков» пришедшие на смену молодые не посчитали «развалинами», мешающимися под ногами. Ибо именно «руины» не приглашают на большие праздники и стыдятся разделить с ними радость удач. Их портретами не украшают стены, о них, вообще, стараются не упоминать. И это горько вдвойне, потому что культура в России защищена сегодня меньше, чем когда бы то ни было от чинуш, непрофессионалов и просто вандалов. Единственное ее спасение — в традициях, создававшихся веками и десятилетиями, без которых будущее обречено, каким бы прочным ни казался нынешний успех...

Загадка трех «Н»

Наверное, этой преданностью лучшим сценическим традициям объясняется неизменный успех на наших фестивалях ленинградцев. Так было с театром «Фарсы» и спектаклями Игоря Ларина два года назад. Так случилось и с «Концертом Саши Черного для фортепиано с артистом», привезенным в нынешнем году актером ТЮЗа им. Брянцева Алексеем Девотченко.

Ленинград (позвольте мне называть его этим старым привычным именем) — город, действительно, непредсказуемый. В середине 80-х, когда москвичей буквально разрывал на части театральные «бумы», театры «Северной Пальмиры», за исключением, пожалуй, БДТ, о нем и не мечтали. Приезжавшие в гости братья-журналисты из МГУ по непонятным нам причинам рвались вечером на

спектакли в надежде раньше других открыть для себя нечто невиданное и уезжали слегка разочарованными. Мы же, вообще, предпочитали проводить вечера в концертных залах, не размениваясь на «мелочь».

И вдруг — резкая смена «действующих лиц и исполнителей», новые имена, замелькавшие в прессе, письма друзей, предпочитающих теперь, оказывается, ходить в театр... Впрочем, к непредсказуемости и неожиданности всего, что связано с этим городом, история давно относится философски. Недаром ведь притягивал он к себе во все времена «странных» людей.

«Ах, жизнь полна суровости, заплачь над судьбой: единственные новости — парад и мордобой». Поэт, написавший, однажды, эти строки, подобно актеру почти никогда не был самим собой. Людям казался замкнутым и недружелюбным, а сам отдавал им все себя. По натуре был человеком неординарным, а голос свой вселял в сатирические образы обывателей. Он настолько стеснялся самого себя, что почти никто из читающей публики России не знал его настоящего имени — Александр Михайлович Гликберг. Для большинства он оставался просто «королем поэтов» популярнейшего журнала «Сатирикон» Саши Черным.

И в «Концерте», поставленном режиссером Григорием Козловым, главный и единственный исполнитель — Алексей Девотченко — неуловим в постоянной смене «масок». Кто он — нищий студент? тапер старинного «кинематографа», озвучивающий странные картинки давно ушедшего быта? отец семейства, страдающий от флюса и хронического безденежья? а может, депутат Государственной Думы тех, отшумевших лет, когда, оказывается, тоже сложно было однозначно ответить на вопрос, есть в России Конституция или «все-таки ее нет?».

А в сущности, какая разница, кто перед нами? Сорок минут, по прошествии которых хочется вновь перечитать незамысловатые, до краев наполненные смехом сквозь слезы стихи одного из талантливейших русских сатириков, и так заставляют задуматься о многом. Например, о том, каким образом «разные мотивы» стихов так органично перемежаются великой музыкой Массне, Бетховена, Штрауса и полублабытыми мещанскими польками? Игра ли это воображения? Особый ли магнетизм исполнителя? Смелость ли сценического эксперимента? Обаяние ли стиха?.. Но, пожалуй, проще к загадкам «непредсказуемости» и «неожиданности» добавить здесь загадку еще одного

«Н» — «необъяснимости». И этой тайной будет сказано все!..

«Мама! Как вы сюда попали?..»

Впрочем, эксперимент эксперименту рознь. И если профессионал способен довести его до блеска, то дилетанту вполне под силу свести все к абсурду. Ненювую эту мысль навеяло мне знакомство на фестивале с коллективом так называемого «студенческого театра» МГПИ.

Впервые о нем я прочла как-то в городской газете. Из небольшого со-

общения следовало, что в городе нашем создан театр, по силе равный разве что знаменитому Студенческому театру МГУ, воспитавшему в свое время целую плеяду мастеров сцены. Надеюсь разглядеть искры зарождающихся талантов еще до того, как всероссийская слава вознесет на недосягаемые высоты новых демидовых, саввинных, адомайцев и филиппенко, я и отправилась на спектакль.

То, что мне довелось увидеть в тот день, усугубило все худшие предчувствия. На сцене преобладала форма с очень маленьким намеком на содержание, без которого она просто теряет смысл. Натянутасть переживаний, кондовый «уральский» акцент (уж сценической-то речью сам Бог велел заниматься в театре, даже студенческом!) и беспомощные попытки сказать нечто «этакое» там, где ничего нет и не может быть, оставили в душе ощущение провинциализма самой низкой пробы. Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что к театру самодеятельному и требования следует предъявлять иные. Но уж если самодеятельность эта чувствует себя настолько уверенно, что, окрыленная похвалами родственников и друзей, решает принять участие в фестивале наряду с профессионалами, она должна быть готова к тому, что «сюсюкать» с нею зритель не будет.

В поисках ускользающего

Вообще, проблема профессионализма на сегодня, пожалуй, стала краеугольным камнем всех наших бед. Свободу выбора мы поняли как-то по-пролетарски прямолинейно: мол, важно не умение, а желание. Но одного его все-таки бывает мало. Более того, дилетанту никогда не

будет под силу осуществить знаменитое шекспировское «вся жизнь — театр!». Скорее всего, из жизни получится обыкновенный балаган.

А между тем, истинный виртуоз становится в своем деле великим актером. Думаю, именно этим можно объяснить обаяние спектакля «Истории лиц», поставленного бельгийским скульптором Хортой ван Хойе и привезенного ею на Урал из далекой Швейцарии. Безусловно, ее «пластические опыты на сцене» немалы, но без уверенного владения собственным телом, которое дают занятия акробатикой и пантомимой. Но в основе самой идеи этого необыкновенно зрелища лежит все-таки истинная любовь к работе скульптора.

Лица из обычной газетной бумаги создаются на виду у зрителей. Создаются, ваяемые некогда первого человека, было легче творить в отсутствие посторонних глаз. Но под его пальцами так же быстро и легко рождалась тысяча лиц. Веселых и грустных, задумчивых и угрюмых...

Время да и сам Создатель не скупился на многочисленные «поправки». И чье-то лицо становилось еще

угрюмее, а чье-то просто теряло выражение безмятежного покоя... Хотя не сами мы, подчас, «творим» лица друг друга, ссорясь и враждуя, любя и ненавидя по мелочи, по пустякам?.. Как повернуть все вспять, чтобы стереть с лиц близких морщины, забыть несправедливые упреки, переписать все небо?..

Но нет, это лист бумаги можно скомкать и отшвырнуть в угол комнаты, чтобы приняться за работу снова. А жизнь «черновиков» не имеет... Впрочем, «Истории лиц» каждый может прочесть по-своему, разглядев в них лишь причудливую толпу фантомов, постепенно заполняющих сцену, или глубокую философию бытия. Тем более, что все это часовое действо пронизывает мягкая ирония автора, без которой мир давно погиб бы от однообразия и скуки...

И еще об одном спектакле нельзя не упомянуть в этих полемических набросках о фестивале. «Вашего А. Чехова», привезенного актерами Русского театра из Франкфурта-на-Майне, лучше всего было бы, наверное, назвать самым ностальгическим спектаклем «Театра без границ». Странную идею поставить на сцене личную переписку великого писателя с Ликой Мизиновой — женщиной непонятной, взбалмошной, легкомысленной, чей образ Чехов пронес через всю жизнь, режиссер театра им. «Моссовета» Борис Щедрин осуществил совместно с бывшим актером театра «Современник» Павлом Ивановым и бывшей актрисой МХАТа им. Горького Ольгой Конской.

Не все, наверное, воплотилось удачно. Первое действие казалось затянутым и несколько «конемечным», немного раздражал сам текст, «перепрыгивавший» с переписки на диалоги из пьес и обратно. Публика явно скучала. И вдруг совершенно неожиданно перемена во втором акте, где жизненная драма двух любящих людей достигает апогея и где в глазах стоят непрошенные слезы — и в зале, и на сцене...

Не знаю, что тому виной: утонченная ли интеллигентность писем, декорации ли спектакля, в которых все — от рамок с портретами на стенах до опавшей желтой листвы, усыпавшей пол, — прочикуто тонким чувством русского быта; прелесть ли русского романа, пронизывающая всю ткань постановки, неповторимая ли актерская школа «мхатовцев», но не обычная эта пьеса всколыхнула вдруг

в душе то, что так старается задавить в нас нынешнее безвременье. А может, причиной всему то, что, как говорят эмигранты, Россию начинаешь чувствовать острее там — на далеких берегах?..

Эту страну, действительно, не постигнуть обычным рассудком. Она всегда была и останется обителью «загадочной русской души» людей чудачковых, безоглядных в поступках, безотчетных в любви и ненависти, непредсказуемых в делах. Людей, беспощадно убивающих и калечащих друг друга в разоренной, разворванной России. И при этом продолжающих тосковать по ней во всех уголках необъятного мира и верить в чудо. То самое, воплотиться которому под силу сегодня разве что на страницах книг или на сцене театра. Театра без границ и ограничений. Имя которому — жизнь!..

В. ЗАСПИЧ.
На снимках: сцены из спектаклей «Истории лиц» и «Концерт Саши Черного...».
Фото Ф. ВЕЯ и В. КОРОБОВА.